

Сказочки и истории

> С тех пор у них и повелось: вечернюю сигарку жена крутит

Николай ЯКШИН

Глупые людишки

Как на озимые поля пала роса. Пала роса – Божья слеза. На каждую былиночку – по слезиночке, всем досталось.

Взошло солнце – роса и высохли. По-над полем будто выдохнул кто туманно. Туман кверху поднялся, сделался пресным облаком. Потянуло его, облако, к ближнему озеру. И осело оно на воду мелким дождиком. Завелась отсюда рыба пресная.

А рожь поднялась, силой налилась – вышли мужики в поле, стали ее косами охаживать, сушить-валять, снопы вязать, на гумно возить, цепями бить, солод бродить, пиво варить, пьяны быть, жен гонять, а те – в слезы. А слезы соленые стали в ручьи собираться, в реки стекаться, к морю пробираться – посолили его. Завелась отсюда рыба морская.

И вот мужики, погулявши, жен погонявши, вышли к берегу воды попить да голову помочить. Видят – что на озере, что на море – рыба плавает вольная, бесхозная, хвостами хлещет по мелкой ряби. Эге, думают мужики, у нас не пошалишь. Понавалили деревьев, понаделали лодок, паруса наладили, сетей наплели. Стали они ту рыбу ловить, домой носить, а жены любить их принялись. Да и было за что: что ухи, что жаревки, что пирогов, что сушенки на зиму – всего полно.

Перестали мужики озимые сеять, не на что стало росе выпадать, не с чего одной воде пресной быть, а другой – соленой, стала вода везде никакая – рыба-то и перевелась. Мужики без рыбы – бабы ругаться, бабы ругаться – а их батогам, всех позабили до смерти. А вслед за ними и мужики вымерли, от скуки. Вот ведь как бывает, когда про землю забывают.

Богу без людишек тоже не в радость. Поплакал он на землю, помял ее в горсти и слепил из комка новых людишек. Эти-то, может, поумнее будут.

И послунить...

Вечером было. Один мужик каши наелся, вышел на крыльцо затихающий мир послушать. Сел на приступку, на небо поглядывает, куры, слышит, угомоняются, комаров на себе похлопывает. Все вроде так, а чего-то неладно. Тю-у, закурить забыл после чаю-то. А подниматься лень.

– Эй, жена, – кричит он бабе-то своей, – принеси мне кисет и бумагу, там лежат.

Та приносит и подает. А мужику не то лениться не расхотелось, не то решил проверить брачный уклад на правильность.

– А заверни-ка ты мне сигарочку, дорогуша, ублажи мужу душу, – сахарно так говорит он.

– Во-о, – она-то, – новое дело. Один дурень – и тот дурак. Я же не умею.

– А ты учишь.

– Зачем мне? У тебя что, руки отсохли? Срам-то какой: баба здорово мужику сигарки крутит.

А мужика уж понесло – удержу нет.

– Поговори у меня! – прикрикнул.

– Сказано – крути, значит, крути. А до людей мне дела нет, пусть хоть че говорят.

Про себя же посмеивается: я, мол, еще перед мужиками похваюсь, как бабу держать надо.

Плюнула с досады Матрена – чего, думает, из-за блажи пустяковой лаяться, скрутила, как видела да как пальцы слушались.

– И послунить, что ли? – спрашивает.

– И послунить.

Послунила. Мужик закурил, довольный стал.

– Ступай уже, – говорит, – я тоже скоро.

Сидит, дымит, затихающий мир слушает.

С той поры у них и повелось: вечернюю сигарку жена крутит.

– И послунить?

– И послунить.

...Три года прошло. Из дальней деревни, по случаю проезда в город, сват заворачивает. К вечеру дело, заночевать надо, а тут – свойня. Мужик ему ворота отворил, обрадовался, конечно, но как-то на скорую руку.

– Извиняй, – говорит, – ты тут сам управляйся, некогда мне – и... что за чудеса: подойник подхватил и норовит в хлев занырнуть.

– Да погоди ты, Никита, – хватает его сват за рукав. – Ты чего это с подойником? Матрена-то захворала али чего хуже?

– Как же, захворает, – ощерился мужик. – Во двор-то заезжай, увидишь, сколь наша Матрена стала мудрена. Извиняй, недосуг.

Убежал.

Сват кобылу свою справил – и к дому. И видит: на крыльчке, на приступочке сидит Матрена – нога за ногу и сигарку курит. Еще даже не вечернюю. Крякнул сват, ничего спрашивать не стал, а только развернулся – и со двора долой.

А вскорости все на место стало. У Никиты две титки выросли, штаны ему разонравились – юбки носит. С Матреной-то ничего, ладят. Главное пререкание – кто кому вечернюю сигарку послуנית.

Счастливчик

И на все-то вопросы у него ответы есть. Все по полочкам, все знает: откуда, куда, зачем, кому, почему и сколько. Одного в толк не возьмет: из какого яйца Бог вылупися? А про курицу, что то яйцо снесла, и помыслить боялся.

«Вот про это не думать, не думать, не думать, про это запретить себе думать», – уговаривал он кого-то, сидящего внутри него. Как же, попробуй запрети. Все равно, что бессонницу просить передохнуть.

Долго он так мучился, искал и сомневался. Но в конце концов нашел успокоительное решение. Как же он раньше-то не допелся? Ведь это он сам и есть, един в трех лицах: Курица, Яйцо и Бог.

С тем и живет. И прекрасно себя чувствует.

Папаши

Художник и преподаватель Виктор Портнов привез в Белорецк свою группу худграфовцев на пленэр. Стайка бойких девчонок и один тихоня-парень. И меня пригласил «проветриться». Вот отъюдили они свое, сидим ужинаем. И одна сту-

КОМАНД > ОЛЬГА ГАВРИЛОВА

дентка за столом обронила: надо бы, мол, в свекольный салат перчику добавить. А другая студентка говорит, что не любит перца. Ну, бывает, соглашаемся, тем более, что перца нет.

– А еще я не люблю какао, – добавляет она.

Переглядываемся с легким недоумением – и опять же соглашаемся: действительно, всякий волен любить или не любить какао. Тем более, что какао тоже нет, одна сгущенка. Дальше, думаю, пойдет общий разговор о том, что бы кто бы съел или выпил, но девчонка не выпускает инициативу:

– А папу своего люблю, он у меня славный. Всегда о маме и о нас, их детях, заботится. Вот мама

однажды со спокойной душой и отправилась в Челябинск, на кого-то там доучиваться. А папа заботился, то есть волновался и кормил. Готовил он, конечно, без мамино го блеска, но старательно, то есть, в сумме, вкусно.

...Вот поели они всего – пора и попить. Папа торжественно, вместо обычного чайника, ставит на стол кастрюлю. «Какао!» – гордо объявляет он. Чашки побольше наготове, булочки совмещены с маслом, несколько неловких до виртуозности операций с полов-

ником – и вот уже бурая жидкость приятно дымит и благоухает в чашках. Впрочем, замечает девочка, а не слишком ли она, жидкость, благоухает? Не кажется ли папе, что здесь что-то не так? Действительно, папе тоже это кажется. Поэтому пусть дети сидят смирно и вспоминают телефон спасения, пока он это будет пробовать. Оно оказалось горячим. Даже как бы слишком горячим. Ну просто как будто папа отхлебнул расплавленного свинца.

В итоге разбора всей операции выяснилось, что папа сумел в корне революционизировать приготовление напитка, заменив по принципу «все на все» какао-порошок на красный перец.

С той поры папа не рисковал: стало маме отлучиться, он тут же вел детишек в столовую на Завенягина и кормил их холодными макаронами, которые запивались холодным же, но безопасным чаем.

...Суп уже съеден, а чай не готов. Трое мужского пола принялись что-то почитать. Девушки щебечут. Трое шелестят страницами; чайник на ржавой электроплитке не закипает. Девушки щебечут. Трое откровенно позевывают, а потом начинают беззастенчиво поклевать носами. Тут девуш-

ки, будущие педагоги, переводят разговор в русло темы: «Какие же странные представления у мужчин о воспитании».

– Да нет, – возражает одна студентка, – дело не в воспитании.

– Как же нет?! – с возмущением говорят ей. – Вот же, налицо.

А та упорствует и аргументирует довольно-таки раскованно и рискованно: я, говорит, мужчин лучше знаю.

Девушки уважительно притихли.

– Ну что вы!.. – смущается та. – Просто мужчины любят поспать.

Ну, еще бы, кивают подруги; а уважение их все растет. У отважной студентки чуть слезы из глаз не брызнули:

– Да я же про папу! Он всегда и везде засыпает. У телевизора, за столом, в автобусе... Говорят, солдаты на посту стоя научаются спать, как лошади. А папа пошел еще дальше...

Прошлой осенью они всей семьей работали на огороде, картошку копали. Папа, как водится, копал, мама с дочкой подружничали. И, конечно, никак копки донять не могли. Во-он он, далеко впереди работает – копает, копает, копает... Странно только, что все на одном месте. Заинтересовались, подкрались осторожно, заглянули в лицо – так и есть: спит. А лопатой машет, земля летит – копает, копает, копает...

Тут чайник зафырчал, мужчины проснулись, встрепенулись и сразу стали воспитанными.

Диалог

Вот идет женщина, высокая и плоская. Вместе с ней идет пиво. Оно идет как снаружи, так и внутри женщины. Это она, следуя новым требованиям демонстрации независимости, попивает на ходу из темной бутылки. Пить пиво в движении – это очень индивидуально. И без статистики видно, что в городе сложился большой раздробленный коллектив индивидуальностей.

Судя по независимости, она одинока. А если принять во внимание просвечивающую сквозь пакет бутылку водки, плоская женщина решила устроить себе скорбный праздник – праздник получения первой пенсии. Да-да, на якобы погруженном в себя лице ясно читается ее невосстребованный женский переходный возраст.

А вот навстречу мелкогошаго спешает другая женщина. Впрочем, если назвать ее старушкой или бабушкой, она не обидится. Потому что по своему переходному мосточку она уже перешла – лет эдак двадцать назад.

Старушка эта – опытный, матерый лингвист-физиогномист. Она замирает как вкопанная, с высоты своего небольшого, да еще полусогнутого росточка грозно взирая на расшалившуюся молодежь. Но юная пенсионерка с прежней неторопливостью потягивает пиво и величаво проплывает мимо. Старушка постепенно полуразворачивается, становится буквой «Г» в профиль, верхней своей переключкой она выкручивается, как лопасть пропеллера, всем своим видом призывая и других вычесть гневными взглядами черную дыру на спине уходящей бесстыдницы.

Впрочем, развязка близка. Прямая спина, ничуть, даже светлым платьем, не пострадавшая, метров через пять шагнула вправо и аккуратно поставила обесшвырянную посудинку на бордюр. И тут будто кто сказал старушке: «Оторми!» Она мгновенно пришла в движение, и вот уже темного стекла бутылка проворно скользнула в ее матерчатую сумку.

«Ишь, богатейка какая, рупь ей не деньги!» – осудила она наполеончик.